

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КОДИФИКАЦИИ ОБРАЗНЫХ СИСТЕМ МЕТАФОРИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ В ДИСКУРСЕ СКАЗКИ

О.С. Зубкова

*Доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры иностранных языков и
профессиональной коммуникации
e-mail: olgaz4@rambler.ru*

Курский государственный университет

В статье представлен авторский взгляд на актуализацию аксиологического компонента при кодификации образных систем метафорических значений на примере дискурса сказки. Показана роль ценностных стереотипов в процессе формирования тропов на основе образного компонента. Предложена новая дифференциация тропеической лексики с учётом аксиологической и неаксиологической доминанты, а также обоснована возможность выделения тропов с аффективной и оценочной модальностью. Вместе с тем в статье представлены некоторые выводы о стратегии построения текста сказки и коммуникативных целях, реализуемых в двух практиках: устной и письменной.

***Ключевые слова:** тропы, сказка, дискурс сказки, ценности, метафоризация, аксиологическая оценка.*

Тезис о том, что сказка является одной из образных языковых форм представления знаний в процессах категоризации и концептуализации мира, уже не является дискуссионным. В гуманитарной и естественно-научной парадигмах, в частности, в филологии, философии, семиологии, социологии, антропологии или психоанализе, сказка как предмет научных изысканий связана с соответствующими типами знаний и объективацией их определённых эмитентов [Calil, De Re 2009; Fontanille 2008; Le Ny 1966; Rabatel 2003; Reboul 2000]. Обладая гибридным и полиморфным характером, исследуемый феномен предстаёт весьма парадоксальным явлением, которое, с одной стороны, является одной из старейших форм выражения накопленного опыта в истории человечества, а с другой стороны, предстаёт в качестве «новой» формальной художественной практики, искусства рассказывать истории аудитории, манифестирующей особенности индивидуального стиля или лингвистических паттернов, ингерентных для представителя конкретной культуры.

Для нашего исследования существенным является наличие двух практик литературного жанра сказки: устной и письменной. Данные практики экспликации дискурса сказки дифференцируются по способу их создания и распространения, а также по ёмкости содержательного компонента, что, как нам представляется, обуславливает более глубокий анализ не только лингвистической кодификации образных систем метафорических значений, но и аксиологического аспекта создания определённых мифологем. Являясь средством коммуникации, сказка формирует и транслирует новые или авторски переработанные (преимущественно в письменном варианте сказок, фэнтези...) и имеющиеся ценностные ориентиры, связанные с культурой и социумом. Важно заметить, что нередко транскрипционные произведения превращают услышанные истории в письменные авторские варианты, адаптированные к современности, но имплицитно представляющие определённый аксиологический ряд существовавших ранее образов. Представленная подобным образом версия часто становится приоритетной над множеством устных вариантов, превращаясь в литературный текст, «восприимчивый» к грамматическим, стилистическим изменениям, демонстрируя способность писателя к инаковости через повторение существующего образного ряда. С этой точки зрения транслируемая аксиологическая последовательность играет определенную роль в выстраивании и развитии повествовательных вымыслов, внося определённое разнообразие, базирующееся на стереотипии культурных мифологем. В данном контексте значимым представляется формируемое отличие сказки от романа, новеллы, рассказа о приключениях и т.д.: принятие неправдоподобия, создаваемого на метафорических значениях с высоким уровнем абстракции. Это позволяет классифицировать исследуемый феномен в качестве операционального текста, целью которого является представление контента наиболее привлекательным образом для эмотивного воздействия на реципиента и создания ощущения «сопричастности» повествованию. Нередко авторы украшают текст, делая его более живым и привлекательным для чтения, например, с помощью фигур стили, таких как метафоры, аллитерации, гиперболы, олицетворения, обеспечивая успех сообщения и закрепляя ценностные скрепы.

Образный язык и способ изложения содержания сказки всегда неслучайны, следовательно, первостепенную роль играет выбор лексем и стратегии построения текста в целом. Создаваемые метафорические образы могут быть поддержаны иллюстрациями или иными визуальными элементами, приглашая реципиента читать и

воспринимать информацию, пропуская события через собственную эмоциональную призму. Нами было неоднократно верифицировано, что «наличие большого количества семических составляющих позволяет уточнять образ понятия, дополняя его различными характеристиками» [Зубкова 2014: 241]. В этом случае сопричастность может выстраиваться только на узнаваемых, привычных культурных скрепах, способствующих определению места различных ценностей в индивидуальной картине мира. Лаконичность формата сказки компенсируется высоким уровнем метафорической лексики, апеллирующей к структуре ценностной модальности и её корреляцией с наивным мировосприятием. «Традиции, являющиеся устойчивой основой системы поведения человека в различных сферах жизни, <...> выполняют роль ориентиров, «предлагая» индивиду определенные образцы и модели поведения» [Зубкова 2013: 26]. Таким образом, сказка предстаёт как намеренно создаваемый конструкт, эксплицирующийся посредством авторской речи, информирующий реципиента об иерархии ценностных ориентиров, закрепляемых с помощью содержания и иных семиотических элементов, и убеждающий читателя в их связи с личностными, социальными и культурными факторами.

В данном контексте специфика ценностных суждений, представленная в сказке, зависит от коммуникативной цели. Прежде всего, речь идёт об убеждении адресанта в онтологическом статусе транслируемых ценностей, соответствующих содержанию пропозициональных понятий, принятых в конкретной лингвокультуре. В лексическом изложении тема-рематическая корреляция интегрирует имеющиеся аксиологические представления и субъективность восприятия паттерна, с которыми связаны чувства удовлетворения или недовольства реципиента, увеличивая при этом степень субъективации объекта действительности. Данный процесс «присвоения» и конструирования реальности в зависимости от желаемого и предлагаемого способствует появлению смысла сказки, совпадающего / несовпадающего с ценностями личной жизни. При восприятии обсуждаемого феномена осуществляется опосредованное воздействие с использованием определенного лексикона, особых грамматических норм, речевых конструкций и образных клише для достижения конкретных коммуникативных целей. Кроме того, развертывание коммуникативного взаимодействия сопровождается отрывом от первоначальной точки внимания читателя (зачина сказки), отодвигающего и постепенно перемещающего фокус интереса с героев на самого себя, что приводит к увеличению степени образности произведения. Вместе с тем столь же естественно «ментальный взгляд»

адресанта постепенно акцентируется на деталях не как на значимых точках повествования, но как на ключевых элементах совпадения / несовпадения смыслов, вокруг которых ткань образа объективируется более рассудительно. Объединение эксплицитного и имплицитного предопределяет не только каркас повествования сказки, но и позволяет теме и реме влиять на ценностную ситуацию в акте познания, формируя интерпретацию. Последняя является абсолютно новым элементом, который даже создающий её человек не может предвосхитить, поскольку ещё не знает, каково его отношение к описываемому объекту или героям. По нашему мнению, это – раскрытие, отсутствующее в художественном образе, данное только в представлении реципиента и основанное на образе и смыслоформирующих ценностях, вовлечённых в жизнь индивида. Следовательно, коммуникативная цель имплицитной интерференции на целевую группу дополнительно реализует задачи формирования мнения и убеждений адресанта, влияя на его поведение при принятии и трансляции им определённых норм.

В связи с этим дискурс сказки не является фиксированным, стабильным конструктом и может меняться и развиваться, демонстрируя гибридность влияния коллективного знания. Однако образы, предназначенные для трансляции суждений о ценностях с целью убеждения реципиента, представляют собой неотъемлемую часть любого контента сказки. Метафорические значения, формируемые на основе образов, имеют экспрессивную, коннотативную и директивную нагрузку в дискурсе сказки, являясь семантическими экситонами. Тропы, как с аффективной модальностью, так и с оценочной, конструируют благоприятный или иррациональный фон развития сюжета, что оказывает влияние на поведение адресата.

Образный ряд, выстраиваемый в дискурсе сказки, как в письменной, так и в устной форме, не представляется нам нейтральным, поскольку не является простым замещением и/или интерпретацией существующих или вновь создаваемых символов. Образ в дискурсе сказки репрезентирует определённые аксиологические субстанции или оценочные признаки, деликатно вводя точку зрения конкретного автора или общепринятую в лингвокультурном сообществе. При этом образный компонент получает конкретную семиотическую «поддержку» в виде тропов на уровне культурной референции. Аксиологический признак локализуется на уровне лексической единицы, включающей в себя специфические культурные коннотации, формирующие желаемый смысл и реализуемые в привычном для носителя языка контексте, узнаваемом в разных регистрах языка, например, устном и письменном, литературном и разговорном.

Знаковость экспликации ценностных предикатов очевидна не только на диглоссическом уровне, но и на уровне морфологических структур при использовании уничижительных суффиксов и аффиксов, которые, например, переводят номинацию в категорию уничижительных названий («-ard» («хвастливый») или «-asse» («fillasse»)).

Тропы, как лексические единицы языка, в дискурсе сказки обладают очевидной субъективной компонентой и передают смысловые тонкости, прежде всего, в коннотативном спектре языка, формируя интерпретативные и субъективные суждения. При этом формализованный денотат содержит акцентный элемент аксиологической завершённости и передаёт оценочный смысл: либо ценностные характеристики, либо девальвирующие последние. Дихотомия объективного и субъективного влияет на стилистические фигуры в дискурсе сказки, модифицируя синтаксис (например, во французском или английском языках), изменяя привычные грамматические конструкции на окказиональные или авторские с целью варьирования степени субъективности. Вместе с тем заметим, что дискурс сказки в этом смысле весьма показателен, поскольку степень субъективности в нём может варьироваться весьма разнообразно от одного утверждения к другому, а оценочные суждения в зависимости от метафоризации и реализации образного компонента – быть конкретными или пространными.

Тропы с аффективной модальностью, функционирующие в дискурсе сказки, манифестируют эмоциональную реакцию автора или героя на влияние судьбы / рока, непреодолимых обстоятельств и т.д. на объект, формируя стабильный и устойчивый ценностный ряд. При этом тропеическая лексика с положительной или отрицательной коннотацией может приобретать в ходе экспликации основного нарратива аксиологический прагматизм, формируемый поведенческими приоритетами героев, а шире – константами конкретной культуры. Ценностные характеристики проявляются в иронических оценках и суждениях, намекающих на чувства адресата с целью формирования широкого спектра ощущений, таких как, например, обольщения, очарования, резкого неприятия или отторжения.

Тропы с оценочной модальностью, напротив, относятся непосредственно к обсуждаемому предмету и объективируют положительную или отрицательную оценку его действий в результате влияния роковых обстоятельств. Нами замечено, что с учётом анализа ценностных экспонент, тропы с оценочной модальностью можно дифференцировать на аксиологические и неаксиологические. Аксиологические оценочные выражения включают в себя

обесценивающие или оценивающие лексемы (прямая корреляция с добром, красотой, уродством и т.д.), с помощью которых судьба дает позитивную / негативную оценку и формирует соответствующий образ героя. При этом проявляется двойная субъективность: во-первых, употребление подобных выражений различается в зависимости от «особого» характера независящих от героя обстоятельств (судьбы, более сильного антагониста...); во-вторых, реципиент самостоятельно выражает своё позитивное или негативное мнение относительно обозначаемого объекта, осуществляя различие между уничижительными или девальвирующими и мелиоративными, хвалебными аксиологическими выражениями. Подчеркнём, что субъективность оценочных тропов или метафорических выражений может быть идентифицирована в разной степени в зависимости от развертывания контекста повествования.

Неаксиологические метафорические выражения вербализуются тропами, которые с точки зрения их денотативного содержания не указывают на ценностное суждение или эмоциональное «обязательство» независимых от героя обстоятельств. Они выражают количественную или качественную оценку и не обязательно эксплицируют очевидное ценностное суждение, но относятся к категории оценочных сущностей. Однако заметим, что благодаря общему контексту или дискурсивному окружению, неаксиологические оценочные выражения могут передавать ценностное суждение и, следовательно, приобретать аксиологический компонент посредством включения в них субстантивных прилагательных, глаголов и наречий, придавая при этом аффективный оттенок оценочным субстанциям.

Важно подчеркнуть, что «маркировка» аксиологических и неаксиологических метафорических выражений зависима от дискурсивного контекста. Мелиоративное или уничижительное их употребление нередко является частью именно оценочных суждений, а не дискриптивных. Например, при описании протагониста используется большое количество метафорических конструкций, направленных на продвижение создаваемого позитивного образа. Речь героя в основном содержит обороты и номинации с положительными коннотациями, эксплицируя вневременную связь культурных скреп. Согласно нашим наблюдениям это способствует формированию постепенной степени субъективности реципиента, сопровождающейся поэтапной идентификацией оценки героя. Для продвижения, например, положительных аксиологических максим используются наиболее эмоциональные или оценочные лексемы, такие как «чудо», «убежище», «доблесть», «изобилие» и т.д., фигурирующие в дискурсе сказки в

качестве узловых ценностных актантов, в то время как «удовольствие», «внезапное открытие ч.-л.», «неожиданное богатство», «разнообразие», используются более утилитарно, маркируя индивидуальные ценностные ориентиры.

Резюмируя вышесказанное, подчеркнём, что в дискурсе сказки образные системы метафорических значений кодифицируются, преимущественно, как категории аксиологических субстанций с аффективной модальностью. При этом контекст способствует формированию положительных или отрицательных коннотаций, аксиологизируя оценочные суждения с целью создания / поддержания образа. Субъективный компонент дифференцируется своей приемлемостью / неприемлемостью транслируемых ценностных скреп, объективируя истинность или ложность культурных пропозиций в индивидуальной картине мира.

Библиографический список

Зубкова О.С. Функциональная релевантность контекстуальной, социальной, институциональной и идеологической означающих практик (попытка расширения понятийного аппарата) [Электронный ресурс] // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2013. № 2 (14). С. 23–33. URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/2171/ (дата обращения: 23.02.2021).

Зубкова О.С. Метафорическая категоризация пространства профессиональных языков как рефлексия характера восприятия // Когнитивные исследования языка. 2014. № 19. С. 237–245.

Calil E., De Re A. Analyse d'une histoire inventée multimodale : le cas de l'onomatopée visuelle // Anpoll Magazine. 2009. Vol. 2. Pp. 12–38.

Fontanille J. Pratiques Sémiotiques. Paris: Presses universitaires de France, 2008. 320 p.

Le Ny J.-F. Les significations et leurs translations // Bulletin de Psychologie. 1966. № 74. Pp. 623–631.

Rabatel A. Les verbes de perception en contexte d'effacement énonciatif : du point de vue représenté aux discours représentés // Travaux de linguistique 1. 2003. № 46. Pp. 49–88.

Reboul A. Communication, fiction et expression de la subjectivité // Langue française 128. 2000. Pp. 9–29.